

как это видно из заглавия, на два неодинаковых по объему раздела: предания в широком смысле этого слова (стр. 45—257) и легенды (стр. 257—312). Внутри первого раздела материал делится на 16 подразделов:

1) предания космогонического характера — о возникновении земли, небесных тел и о характере явлений природы; 2) предания о духах — покровителях зверей, леса, скал, воды; 3) предания о дэвах; 4) предания об общинно-племенных божествах, так называемых божьих детях «хвтишвилах» и об их борьбе с дэвами; 5) предания о прикованном Амрани; 6) предания о великанах и карликах; 7) предания о змеях-дарителях; 8) предания о духах, возбудителях болезней; 9) предания о происхождении морей, рек, озер, гор и ущелий; 10) предания о животных, птицах и растениях; 11) предания о выдающихся исторических деятелях; 12) предания о народных героях — борцах за родину; 13) предания о борцах против феодального гнета и крепостничества; 14) предания о строительстве крепостей, башен, городов, сел и храмов; 15) предания о происхождении золота, вина, музыкальных инструментов; 16) предания моралистическо-философского характера: о жизни и смерти, о любви, сыновней любви и др.

Под легендами автор подразумевает не сказки легендарного типа (как в классификации Аарне — Томпсона), а рассказы апокрифического и морально-дидактического характера.

Можно было предполагать, что отдельные предания, в основном несказочного характера, очень далеки от произведений этого жанра у других народов, в частности у чехов, потому что предания вообще не столь интернациональны, как сказки и анекдоты, и более связаны с определенными этническими рамками. Однако нельзя не учитывать локальные черты отдельных преданий. Мы знаем, что эта локализация подчас носит так называемый вторичный характер, и отдельные мотивы преданий, так же как и сюжеты, могут переноситься или возникать полигенетически в местностях, весьма отдаленных одна от другой и различных по своему историческому развитию. Поэтому случается, что часть фонда преданий обнаруживает большую близость там, где мы не могли как будто бы этого ждать.

Вчитываясь в тексты сборника в поисках параллелей и вариантов, мы нередко бываем удивлены их близостью к чешским преданиям. В этом плане наиболее интересно предание об основании города Тбилиси (стр. 159, 160, № 108). Нужно отметить, что это предание известно и в других вариантах.

Приведем вариант, опубликованный в 1970 г. в одном из путеводителей для туристов: «Однажды царь Вахтанг Горгасали охотился в местности, где сегодня расположен город Тбилиси, и ранил оленя. Раненое животное упало в ручей, где его рана излечилась чудесным образом. Олень исчез в лесу. Удивленный царь приказал обследовать ручей. Как оказалось, горячий источник был целебным. На этом месте царь основал город и дал ему название Тбилиси, что по-грузински означает „теплый город“». Идентичное предание связывается и с городом Карловы Вары.

Из этого примера мы видим, что предания грузинского народа не так далеки от чешских. Таким образом, к сегодняшним нашим знаниям этноисторического характера необходимо подходить, ориентируясь на более широкие территории. Книга Е. Вирсаладзе дает нам научно достоверный, документированный материал. Классификация этого материала и ряд глубоких наблюдений и мыслей, высказанных в исследовании, будут полезны для дальнейшей ориентации наших фольклорных работ.

В. Гаипарикова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

N. F. P a v k o v i ć. Pravo prece kupovine u običajnom pravu Srba i Hrvata. Studija iz pravne etnologije. Beograd, 1972, 226 str.

У истоков правовых воззрений византийцев имеется акт, пользующийся широкой известностью среди историков. Это указ Романа Лакапина 922 г. об условиях продажи крестьянами своих земельных участков пользуется широкой известностью среди историков. Согласно этому акту крестьянин должен был сначала предложить землю родственникам, затем последовательно — совладельцам, соседям, чьи участки граничат с продаваемым, наконец, соплательщикам налогов. И только в случае их отказа от покупки, землю можно было продавать на сторону. Этот интересный документ, восходящий к указу императора Льва Арсения 468 г., ученые уже давно сопоставляют с правом *предпочтительной покупки*, которое было широко распространено у народов Балканского полуострова.

Задача собрать, описать и изучить все проявления этого права уже сама по себе чрезвычайно значительна. Впрочем, у Николы Павковича, профессора Белградского университета, взявшегося за ее решение, была и другая цель: он постарался выяснить, действительно ли право предпочтения сложилось у южных славян под византийским

влиянием, как это нередко утверждают ученые (Сахариз фон Лингенталь, С. Новакович, А. Соловьев), или оно появилось самостоятельно как порождение их аграрных распорядков.

Книга, которую Н. Павкович написал в поисках ответа на этот вопрос, находится на стыке этнографии, истории права и истории социальных отношений. Она состоит из девяти глав, объединенных в четыре части. В I и II главах рассматриваются состоявшиеся исследования проблемы и обосновывается диахронический метод изучения материала. В III главе дается обзор литературы; в ней приводятся сведения о существовании права предпочтения у греков, римлян, древних германцев, чехов, поляков и русских. В IV главе — «Право предпочтения в средние века. Земля — основа существования» — автор рассматривает коллективный характер собственности на землю в качестве одной из предпосылок возникновения будущего права предпочтения и характеризует круг людей, пользовавшихся этим правом. V глава — стержневая в книге. В ней исследованы основные формы проявления изучаемого института. Землевладелец, отчуждающий землю, должен: а) либо предложить ее родственникам или односельчанам, б) либо испросить их согласия на отчуждение; в) либо, наконец, родичи (соседи) могут использовать право выкупа на уже проданную землю. Павкович подробно, пункт за пунктом рассматривает условия, сопровождающие выкуп, и условия, на которых совершается объявление о продаже участка, анализируя круг лиц, пользующихся правом выкупа.

Попытка автора оценить, как средневековое государство относилось к праву предпочтения (гл. VI), оказалась малоудачной, а вот позиция церкви охарактеризована очень убедительно: церковь резко враждебно относилась к предпочтительной практике, мешавшей концентрации церковных имуществ.

Значительный интерес представляет VII глава, в которой говорится о причинах сохранения права предпочтения при турках. VIII глава посвящена пережиткам изучаемого правового института на окраинах Балканского полуострова — на Военной Границе, в Воеводине, в Далмации и Черногории. Она построена на весьма оригинальном материале, наиболее интересном с этнографической точки зрения, — записях обычного права. Отметим попутно, что терминов, под которыми право предпочтения известно в литературе («првокуп», «прекуп», «право прече куповине»), народ не знает, они подобно «задруге» созданы в кабинетах ученых. Наконец, IX глава «Право предпочтения сейчас» позволяет судить о чрезвычайной жизнеспособности этого института; в отдельных областях он сохранился, хотя и в несколько ослабленной форме, до второй мировой войны. Таково содержание книги.

В конце работы Павкович подробно анализирует взгляды С. Новаковича и А. Соловьева, полагавших, что славянский «првокуп» возник под непосредственным воздействием византийского права, и показывает недостатки их аргументации (стр. 127—130). Сам автор решает проблему следующим образом: право предпочтения является институтом, одновременно возникающим у разных народов, его происхождение «полицентрично». Этот институт развивается повсюду примерно одинаково, хоть и со специфическими вариациями (стр. 210).

Рассматривая право предпочтения, автор вовлекает в анализ всю проблему собственности на землю. Уже в самом начале работы говорится о том, что в народном сознании очень редко существует понятие полной («абсолютной») собственности. Как правило, речь идет о реальной принадлежности земли, о владении ею, о ее фактическом использовании (стр. 30, 31). Таким образом, в далеком прошлом для общинника наиболее существен был не титул собственности, а сама земля, как реальное благо, как объект приложения его труда, наконец, как место, где похоронены его предки, с которым он и его родственники поддерживают «интимную связь»¹. Этот факт, отмеченный в книге, в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. На отношение человека к земле, таким образом, наслаиваются представления родо-племенного общества, целый комплекс кровнородственных воззрений. Поэтому землю не только должны были отчуждать лишь в родственные руки, но зачастую вообще не должны были никак отчуждать. «Не подобает потерять [родовую землю] или растратить без великой нужды». — гласит хорошо известная норма Полицкого статута (ст. 49а). Таким образом, собранный Павковичем материал из истории обычного права (причем не только средневекового, но и значительно более позднего, вплоть до наших дней) доказывает устойчивость такого отношения к земле.

В книге высказывается мнение, что право предпочтения является выразительным симптомом существования коллективной собственности на землю, защищающей себя в классовом обществе от индивидуалистических посягательств, — эта мысль повторяется неоднократно. Автор не сомневается в том, что корни этой собственности (а тем самым и права предпочтения) восходят ко времени распада родо-племенного общества; однако он не очень последовательно формулирует эту мысль. «Право родственников появляется в ходе длительного процесса трансформации родо-племенного общества в направлении имущественной и классовой дифференциации, оно возникает как реакция

¹ См. А. Я. Гуревич, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М., 1970, стр. 38, 39.

на распад [выделено Н. Павковичем]... коллективной собственности на землю» (стр. 210).

Конечно, трудно удержаться от естественного вопроса: что же позволяет этому архаическому явлению сохраниться в рамках классового общества? Едва ли можно согласиться с некоторыми объяснениями автора, например с таким, как «перворазрядная экономическая важность земли» (стр. 89). Хорошо известно, что когда земля приобретает особую хозяйственную, а следовательно, и товарную ценность, она вырывается из рук родственников, ломая преграды на пути к рынку. Сомнительно и утверждение, что родственные структуры приходят в столкновение с тягой к «феодальной аккумуляции земли» (там же). Не исключено, что эта мысль порождена довольно обильным материалом, дошедшим до нас из феодальных архивов, в то время как крестьянские грамоты сохранилось значительно меньше. Во всяком случае трудно предположить, что свободный общинник, т. е. тот социальный тип, который никогда не исчезал на Балканах, меньше стремился к приобретению лишнего клочка земли, чем вотчинник.

Очень интересны наблюдения над «првокупом» в связи с системой феодальных пожалований («донаций», как пишут в югославской литературе). Как выясняется, для самых ранних пожалований характерно, что правом на уступленную землю располагал не один феодал, но и его братья с наследниками (стр. 132), и только впоследствии система пожалований столкнулась с правом предпочтения. Павкович справедливо замечает, что мелкое дворянство видело в родственных связях (и правах на землю) средство консолидации и социального сплочения (стр. 135). Любопытны выводы о резком столкновении церкви с правом првокупа (стр. 136—147), хотя и не совсем понятно, зачем здесь примеры из городской жизни — ведь, по наблюдениям самого автора, првокуп не был распространен в городах. Можно полностью согласиться с приведенными в книге соображениями о причинах сохранения изучаемого института пртурках; Павкович справедливо напоминает о широком распространении кровнородственных коллективов («братств» и «племен») на территории, где жили сербы и хорваты, — своеобразном рецидиве первобытной архаики (стр. 149—168). В этой части работы автор оставляет чисто юридический анализ и улавливает связь между првокупом как народным обычаем и всей совокупностью родственных коллективов, сохраняющихся на протяжении столетий в жизни сербов и хорватов. Этот материал особенно много говорит как историку, так и этнографу.

Несомненное достоинство книги Павковича заключается в том, что анализ явления перерастает в ней, с одной стороны, в характеристику *системы собственности* в феодальном обществе на Балканах, а с другой — в характеристику тех кровнородственных коллективов («структур», как пишет автор) — задруг, «братств», «племен», которые всегда были свойственны прошлому южнославянских народов и без которых просто невозможно понять специфику балканского общества.

Можно было бы найти в рецензируемой книге ряд упущений. При характеристике права предпочтения у древних римлян, возможно, не нужно было ограничиваться законами XII таблиц; следовало использовать и юридическую практику более позднего времени. Земля в Далмации X—XI вв. принадлежала не одним духовным и светским феодалам (стр. 55), но и рядовым общинникам; об этом свидетельствуют картулярии. Вряд ли право предпочтения в Сербии и Боснии носило иной характер, чем в Хорватии (стр. 91) — просто здесь сохранилось гораздо меньше документов. Но все эти замечания носят лишь частный характер.

Монография Н. Павковича задумана весьма широко. Поражает документальная база исследования. Автор использовал даже данные из дубровницких хранилищ, хотя и опубликованных источников было бы достаточно для решения поставленной им задачи. Работу отличает особая четкость построения. Ее деление по схеме «часть — глава — раздел — параграф», может быть, и затрудняет первоначальное чтение, но зато впоследствии облегчает отыскание нужных данных. Благодаря этому книга имеет и большую ценность как справочник.

В своем предисловии к данной монографии известный сербский этнограф М. Баряктарович отмечает, что автор с успехом использовал исторический метод изучения данных юридической этнографии для проникновения в суть издавна существовавшей на Балканах «традиционной культуры». К этому можно добавить, что Н. Павкович попытался раскрыть зависимость между характером собственности и архаическими типами родственных связей и эта попытка вполне удалась ему.

М. М. Фрейденберг